

ЕЖЕГОДНИКЪ
ТОБОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ,
 состоящаго подъ АВГУСТЬИШИМЪ
 ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
 ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ.

Годъ 9.

1901.

Выпускъ XII.

ANNUAIRE
 du
Musée de Tobolsk.
 placé sous la très Augste
 protection
 DE SA MAJESTÉ IMPÉRIALE.

Année 9.

1901.

Livraison XII.

→○→•••••←○←

ТОБОЛЬСКЪ.
 Типографія Епарх. Братства.
 1901—1902.

Остяцкая легенда о сотворении мира^{*}).

Не было ни земли ни воды, быть только одинъ Нумъ-Торумъ (Вышай Богъ). Былъ у Торума хоть-домъ въ воздухѣ; на разстояніи трехъ аршинъ отъ дверей (оу) лежала доска (согыль), и только по этой доскѣ ходилъ Нумъ Торумъ, когда онъ выходилъ изъ дома. И бѣль и пиль онъ только медь (мау) и суръ**. День и ночь онъ бывалъ дома, только два-три раза въ день выходилъ гулять. Когда онъ приходилъ съ прогулки, то садился на мѣсто-перину,—садился и думалъ. Однажды, во время его размышлѣнія, канула каня сверху на столъ. Каня скатилась со стола, упала на полъ и вышелъ младенецъ-женщина (Еви). Еви***, маленькая дѣвочка, открыла дверь (оу пушмезъ) и вошла въ другую горницу. Когда она одѣлась въ этой комнатѣ въ платье, незвѣдѣ откуда полученное, и вышла къ Нуму, то онъ бросился къ ней на шею, поцѣловалъ ее и сказалъ ей: «будемъ съ тобою вѣкъ жить». Долго ли, коротко ли они жили, но у нихъ родился сынъ (ыгъ-похъ). Сынъ росъ очень быстро, потому что такие люди растутъ быстро, и вышелъ однажды на преддверную доску гулять. Отецъ и мать говорили ему: «далеко не ходи, ты можешь съ этой доски упасть». Онъ ихъ успокоилъ, говоря, что не упадеть. Вдругъ сверху спустилась бумага (вѣбэкъ) прямо къ сыну Нума и привѣнула къ ладони правой руки. Бумага эта поднялась вмѣстѣ съ нимъ кверху, и онъ пришелъ къ дѣдушкѣ. Тотъ его спросилъ: «Ты пришелъ ко мнѣ?» — «Да, я пришелъ».— «Какъ поживаешь?» — «Ничего, живу». Дѣдушка спросилъ его: «Что у тебя есть тамъ внизу кроме домика, широко ли тамъ или узко?» И онъ отвѣтилъ ему: «Ничего не знаю, широко или узко».— «А есть ли вода или земля?» — «Ничего не знаю;

^{*}) Записана со словъ остака Никиты Кинчышева и послѣ проверена путемъ перекрестного разспроса у 5 человѣкъ. Несомнѣнно, что въ легендахъ виѣтается значительная часть наноснаго элемента, но многие остаки считаютъ эту легенду народно-остяцкой.

^{**)} Суръ—по-остяцки—шица, по-зырянски—родъ кваса или пива. (А. П. Энгельгардт. «Русскій Сѣверъ».)

^{***)} Еви—по-остяцки—женщина. Интересно это совпаденіе остаточнаго названія женщины Еви и бблейскаго Еви.

внизъ смотрю: вездѣ широко, не видно ни земли ни воды». Тогда дѣдушка далъ ему въ руку землю и ту бумажку, съ которой онъ подавъ ему на прощанье: «Когда ты спустишься домой, то сбрось съ предверной доски землю внизъ». Когда онъ спустился, то землю всю высыпалъ внизъ и пришелъ къ дому, который былъ золотой (сорни). Тогда отецъ и мать спросили его, гдѣ онъ такъ долго ходилъ. Онъ имъ отвѣтилъ, что былъ на улицѣ, на доскѣ, и игралъ. На другой день дѣдушка самъ спустился въ золотой домъ Нумъ-Торумъ. Его напомнили. Дѣдушка спросилъ у мальчика: «Знаешь ли ты, кто больше: сынъ или отецъ?» Онъ отвѣтилъ ему, что отецъ Богъ выше сына. Отецъ и мать стали сокрить, что есть одинъ Богъ. Дѣдушка сказалъ имъ: «У васъ ума нѣть, маленький умъ не пасъ». Затѣмъ дѣдушка скрылся. На другой день мальчикъ вышелъ опять на ту же доску, посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ землю, но лѣсу яѣть. Тогда онъ прибѣжалъ къ родителямъ и сказалъ, что увидѣлъ землю и стать просить пустить его внизъ. Его посадили въ золотую люльку (зыбку) и спустили на веревкѣ внизъ. Когда онъ, спустяясь, правую ногу выставилъ изъ люльки на землю, то нога стала тонуть какъ будто бы въ вязѣ (ось-ляхѣ). Тогда отецъ обратно поднялъ его. Мальчикъ разсказываетъ, что спустился, по земля жидкая. Мать стала говорить: «Ну, ладно, сынокъ, завтра спустимся внизъ, сама посмотрю». Назавтра, раненько утромъ, спустились оба въ люлькѣ. Спустились оба внизъ, и вотъ мать, дѣйствительно, увидѣла, что земли нѣть, а жидкая няша (болото). Она сначала стала на ноги, потомъ пришлось нагнуться и уцѣниться руками. И вотъ стала она тонуть и скоро совсѣмъ скрылась. Мальчикъ остался и заплакалъ. Наконецъ, онъ потянулся за веревку, и отецъ его поднялъ и сталъ спрашивать: «Чему плачешь и где мать?» — «Мать», говорить онъ, «утонула въ пашѣ». Отецъ сталъ его утѣшать и сказалъ: «Скоро ли, долго ли, но все равно умремъ».

Скоро однако мать вышла изъ горницы сѣмьющаяся и стала говорить сыну: «Зачѣмъ ты плакаешь? Все равно, когда миръ будетъ на землѣ, то дѣти будутъ также оплакивать своихъ родителей. Скоро будутъ деревья и трава на землѣ: потомъ народятся вездѣ люди». На другой день поутру мальчика опять спустили на землю. Онъ вышелъ изъ люльки и побѣжалъ по землѣ: няши не было, земля укрѣпилась (му така исъ). Мальчикъ изъ земли сѣдалъ 2-хъ человѣкъ, мужчину и женщину, и когда онъ на нихъ дунулъ, они стали живыми (лызынгъ-ханэхъ). Потомъ Богъ создалъ морошку (мурахъ) и бруслику—красную ягоду (урды-рыхъ). И сказалъ Нумъ-Торумъ людямъ: «Вотъ вамъ мурахъ и урды-рыхъ,—морошка и красная ягода,—питайтесь ими». Потомъ онъ имъ сказалъ: «Когда я уйду отъ васъ, то придетъ куль (чертъ) и

будеть васъ соблазнять (хусь-ла). Вы ему не върьте, покамѣсть я не приду самъ; когда приду самъ, то скажу иначе». Когда онъ пошевелилъ веревкой, его подняли вверху. Тогда куль пришелъ къ иновь сдѣланымъ людямъ и сталъ спрашивать: «Что? Торумъ повелѣлъ вамъ Ѣсть морошку и красную ягоду?» И онъ далъ имъ горсть черемухи (люмъ) и сказалъ: «Вы Ѣдите морошку и красную ягоду — отъ нея сытности нѣть; а вотъ если съѣсть эту горсть черемухи, то павсегда будешь сытъ». Они не думали Ѣсть, но куль уговорилъ ихъ. Они съѣли, и почувствовали, что сыты. Куль скрылся (маваѣ). Они продолжали Ѣсть черемуху. Когда Торумъ пришелъ на землю и сталъ спрашивать, что они Ѣдятъ, они показали. Потомъ онъ опять сталъ показывать, что нужно Ѣсть. «Зачѣмъ вы послушались куля: онъ соблазнилъ васъ!» Когда Торумъ пошевелилъ ихъ рукой, они упали въ разныя стороны мертвые (халсъ). Когда потомъ Торумъ дунулъ опять на нихъ, они опять ожили. Потомъ онъ имъ сказалъ: «Я васъ оживилъ, смотрите — придется опять куль, будетъ васъ соблазнять, — вы его не слушайте; Ѣште мурахъ и урды-рыхъ, которая я повелѣлъ вамъ Ѣсть раньше». Затѣмъ онъ создалъ зайца и сказалъ имъ: «Этого можно Ѣсть». Затѣмъ позволилъ имъ Ѣсть и малину (урмыль). «Смотрите», сказалъ онъ имъ на прощанье: «не давайте себя соблазнять кулю; ведь вы уже были мертвые; върьте, это — потому, что дали себя соблазнить дьяволу. Теперь я васъ оставлю еще здесь, и если куль будетъ васъ соблазнять, не слушайте его словъ, пока я не приду». И показалъ онъ имъ 3 дерева: сосну (упжы), лиственницу (нанкъ) и березу (халь-сумыть). Послѣ ухода Торума явился куль и сталъ говорить: «Зачѣмъ вамъ Ѣсть эту малину? что въ ней сытнаго? А вотъ есть кедръ (ногырь-юхъ), высокое дерево, на немъ шишки (ногырь); возьмите эту шишку, и будетъ у васъ полная горсть орѣховъ, и вы будете сыты». Когда они съѣли эту шишку, то увидѣли, что они нагіе, и стали другъ друга стыдиться и потомъ соблазнились другъ другомъ и согрѣшили. Послѣ этого они спрятались въ траву (торнь). Когда пришелъ Торумъ и сталъ ихъ звать, они стали откликаться чуть слышно. «Почему вы спрятались?» спросилъ онъ ихъ. Когда онъ подошелъ къ нимъ, они оба сидѣли на землѣ и встать на ноги не могли. И сказалъ имъ Торумъ: «Вотъ я создалъ оленей (ули), овчекъ (ошъ), зайцевъ (шоуръ), коровъ (миссъ) и лошадей (лоу); когда будете ихъ употреблять, то кожей ихъ будете одѣваться. Когда я говорилъ вамъ, что нужно Ѣсть, вы не исполнили, теперь оставайтесь на землѣ».

Не оставилъ Торумъ имъ ни огня (тутъ) ни котла (пугъ), оставилъ только на сырому мясе (нэрь-ногы) и самъ ушелъ вверхъ, на небо. Спустя некоторое время Торумъ посмотрѣлъ съ вѣба внизъ и увидѣлъ неисчислимое количество людей на землѣ, и столько стало зюдей,

что стало тесно и они стали воевать другъ съ другомъ.
«Что выйдетъ изъ этого?» подумалъ Торумъ: «надо дать имъ зиму, чтобы они мерзли». И народъ сталъ мерзнуть и умирать отъ мороза. Потомъ Торумъ сталъ размышлять, отчего осталось такъ мало народу да и оставшися—какие-то полуживые». И опять спустился на землю къ этому камню, и пошелъ жаръ отъ этого камня. Возъ этого камня лежалъ маленький камень. Когда онъ взялъ отъ маленький камень и ударилъ о большой, то большой разсыпался и потомъ изъ него вышла женщина-огонь. Отъ камня пошла дорога (юшъ), неизвѣстно куда ведшая, во страшно широкан. Тогда еще изъ камня образовалась нецѣлая лодка (хопъ): то ли коры ся—неизвѣстно. Взялъ Торумъ опять камешки и сталъ другъ о друга ударять,—и показался огонь. Тогда Торумъ сдѣлалъ изъ березовой коры трутъ (пыгъ), изрубилъ лѣсину, накололъ зровъ и развелъ огня. Когда онъ разложилъ огонь, то собралъ народъ и сталъ отогревать у этого огня. Потомъ сталъ онъ думать о томъ, что нельзя людямъ жить безъ варева (горячей пищи), и сдѣлалъ котель (изъ желѣза ли, изъ камня ли—неизвѣстно). И онъ принесъ въ этотъ котель воды, повѣсили котель на палки, убили скотину (то ли корову, то ли овцу—неизвѣстно), и когда все сварилось, Торумъ самъ сѣлъ, закусилъ—и ему показалась пища вкусной. Накормилъ онъ остальныхъ, оставшихся въ живыхъ, сказавъ имъ: «Вотъ я вамъ показалъ примеръ, какъ вамъ варить; вотъ огонь, вотъ вода; какъ я дѣлалъ, такъ дѣлайте и вы. Если будете зябнуть, разложите огонь—отогрѣтесь. Что добудете и что гдѣ достанете—вотъ такъ варите и пеките; и питайтесь той пищей, которую я вамъ посовѣтовалъ». Потомъ онъ имъ показалъ, какъ добывать птицу перьевами, рыбу—гимгами (шунъ), какъ плавить, какъ колыданить, и всякие промыслы. Затѣмъ сказалъ народу: «Больше я не приду къ вамъ; такъ и живите».

Когда Торумъ поднялся вверхъ, то спустя некоторое время стала опять смотрѣть внизъ на землю и видѣть, что опять народъ размножился. Всѣ трудятся. И сталъ думать: «Вотъ сколько расположилось народу: соблазнилъ ихъ дьяволъ». Сталъ Торумъ звать куя къ себѣ и сталъ говорить: «Ты безъ моего позволенія никого не тронь, не соблазни, пока не скажу. Когда скажу, укажу на старого или молодого, того и возьмешь. Половину народа ты возьмешь, а половина останется мнъ».

А. Штернбергъ.

